

КСЕНИЯ БОГДА

Ребенок
ОТ ПРЕДАТЕЛЯ

Ксения Богда

Ребенок от предателя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69666715

SelfPub; 2023

Аннотация

Я считала нас с Лешей семьей, носила его ребенка, а потом он пропал. Через четыре года я встретила бывшего случайно, он был женат и его жена была беременна. Леша сделал вид, что не помнит меня... а меня это устроило. Но мы не смогли справиться с тем, что нас тянуло друг к другу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	40
Глава 6	54
Глава 7	59
Глава 8	73
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ксения Богда

Ребенок от предателя

Глава 1

Хожу по палате и поглаживаю живот, в котором растет наш с Лешей сынишка. Жду, пока ко мне приедет мой любимый муж. Гражданский, пока что, но мы давно считаем друг друга настоящей семьей.

Тем более сейчас, когда у нас скоро появится малыш, которого мы выстрадали.

– Так, мамочка, а что это мы ходим? – заглядывает в палату медсестра и неодобрительно качает головой. – Вам нужен покой.

Послушно плетусь к кровати, хоть и бока уже болят от бесконечного лежания. Но я должна думать о ребенке, чтобы ему было хорошо и безопасно. Неделью назад я пережила настоящий ужас, когда увидела кровь на нижнем белье. Мое сердце чуть не разорвалось от страха.

Никогда бы не простила себя, если бы что-то случилось с нашим сыном.

Попытки зачать естественным путем. Диагноз о непроходимости труб. ЭКО, и не одно. И вот заветные две полоски и новость, что получилось.

И в один день это все чуть ли не рухнуло. И до сих пор непонятно, что же случилось. Врачи сказали, что переутомление.

– Тук-тук, – знакомый голос переключает с невеселых воспоминаний на себя все мое внимание.

Губы расплываются в счастливой улыбке, когда на пороге вижу любимого мужчину.

– Привет, моя прекрасная, – в проем втискивается огромный букет, а за ним Лешка, – как ты?

Прикусываю губу, чтобы не рассмеяться от счастья.

Боже, мы с ним четыре года вместе, а я до сих пор не верю, что он выбрал меня. Молодой, богатый, красивый. И я – обычный ветеринар, который лечил его собаку.

– Привет, Лешик, – приподнимаюсь на кровати и тяну к нему руки.

Лешка кивает на цветы.

– Как всегда красота, – сгребая цветы в охапку и делаю глубокий вдох.

Леша садится перед кроватью на корточки и утыкается носом в мой живот.

– Привет, наследник, как ты там? Маму бережешь?

Смеюсь, а на глазах выступают слезы. Это так мило, что сердце болезненно сжимается в груди при виде светлой макушки Лешки и моего огромного живота.

– Он старается.

Любимый поднимает лицо, и я тону в голубизне глаз. Он

хитро прищуривается.

– А ты сама слушаешься врачей?

Охотно киваю.

– Кон-е-е-е-ечно. Говорят покушать – ем за двоих, говорят спать – сплю весь день. Бока уже болят.

Надуваю губы. Леша ухмыляется. Переплетает наши пальцы и прижимает мою ладонь к щеке.

– Сколько ещё лежать? Я уже скучаю без тебя. Не сплю нормально, – голубые глаза подергиваются дымкой.

Мне от таких слов хочется залезть к мужу на коленки и спрятаться в надежных объятиях.

– Говорят, дня три.

Леша меняется в лице, и вся его фигура напрягается.

– Вот черт.

Живот сжимается от страха.

– Что такое? – заглядываю ему в глаза. – Что-то не так, Леш?

Мотает головой. Морщится, и лоб прорезают морщины. Облизывает нижнюю губу, как будто решается сказать что-то, что может мне не понравиться.

– Да мне тут утром позвонили и сказали, что очень важный груз тормознули на границе.

– И что делать?

Он сжимает мою руку крепче.

– Для начала не волноваться, – хмурится, глядя мне в глаза, – думай о сыне. И о себе.

Сжимаю губы.

– Леш, я думаю о малыше постоянно. О нем и о тебе.

– Вот и отлично.

Лешка задумчиво потирает бровь, смотрит в пол. И такое его поведение заставляет напрячься. Спускаю ноги с кровати и подвигаюсь поближе к своему любимому мужчине. Ему нужна поддержка, я чувствую это на каком-то ментальном уровне.

– Тебе нужно уехать, да?

Эта догадка пронзает внезапно. Он часто отлучался в другие города, когда его ждал действительно важный груз. Я нормально к этому отношусь и совсем никогда не была против.

Работа есть работа, тем более он этой работе посвятил много времени и сил. Слишком большая конкуренция. Ювелирка очень уж жирный кусочек пирога в бизнесе, чтобы его отдавать простым парням вроде моего Лешки. А он был именно простым, пока не попал в поток.

И поднялся. Теперь ему заказывают ювелирные изделия и олигархи, и звезды, и даже политики нашей необъятной страны.

– Ага, но я не уверен, что успею за три дня вернуться. Там, как всегда, эта бюрократическая машина врубилась. Какие-то бумаги не понравились, и их надо переоформлять.

Обнимаю его руку и прижимаюсь к плечу щекой. Футболка пропитана парфюмом, который дарила ему я на годовщи-

ну. И я с головой окунаюсь в родной и любимый аромат, и становится спокойно.

Ловлю свой «дзен» рядом с ним. Он мой персональный рай.

– Езжай.

Он вздрагивает и опускает на меня глаза.

– Не, я не оставлю тебя одну в больнице.

Закатываю глаза.

– Леш, я же не маленькая. Кира с Аликом заберут меня и доставят в целости и сохранности. Или могу у них пожить, пока ты в отъезде, если боишься, что я одна себя не обслужу.

Леша обнимает меня и стискивает.

– Я хреновый муж и отец, если допускаю мысль, что можно вот так...

Прикладываю палец к губам и заставляю его замолчать.

– Ты самый лучший и заботливый. Но иногда обстоятельства не в нашу пользу. Я все понимаю, – шепчу возле его губ.

И с наслаждением вижу, как его глаза темнеют. Зрачки топят голубую радужку, а через секунду требовательные губы впиваются в мой рот.

– Люблю тебя, – выдыхает возле уголка губ.

И эти два слова отправляют меня на небеса от счастья. Готова слушать их до бесконечности.

Прощаюсь с мужем и сосредотачиваюсь на лечении. Три дня пролетают на удивление быстро, а все потому, что мне уже не терпится оказаться дома.

Но отсутствие новостей от Лешки меня очень сильно волнует. Я ежесекундно проверяю телефон, но он молчит, и Леша вне зоны доступа. И от этого липкие щупальца страха обвивают шею. Заставляют глотать воздух через силу.

– Ваши выписки, передадите в клинику, в которой наблюдаетесь, – в палату заходит медсестра и помогает с сумками.

Сжимаю в руке телефон, выхожу из палаты и выдыхаю. Внизу уже ждет сестра с мужем. Окажусь дома и свяжусь с компанией мужа, может, там что-то знают.

Но сообщение на телефон опережает все мои действия. Сердце радостно подпрыгивает, когда вижу имя любимого.

Торопливо открываю сообщение от него, и через секунду мое сердце разлетается в щепки, а телефон выскальзывает из рук.

Фото, на котором мой любимый муж в обнимку со своей помощницей, и короткий текст: «Я от тебя ухожу».

– Вероника! Вероника, вы слышите меня? – меня подхватывают за талию. – Срочно каталку, пациент сознание теряет. В реанимацию! Воды отошли!

Глава 2

Спустя четыре года

– Кирилл, нет, – сжимаю крохотную ладошку сына и пытаюсь оттащить его от витрины с игрушками, – у тебя этих машинок валом.

– Ну, ма-а-а-а, – тянет недовольно мой ребенок и надувается, – ладно, тогда купи.

Тыкает пальчиком в футбольный мячик. Закатываю глаза и присаживаюсь перед ним на корточки. Встречаюсь со светлыми голубыми глазками, и сердце болезненно сжимается.

И так каждый раз, когда смотрю в лицо моего сынишки. Он так похож на отца. Отца, который за четыре года даже не поинтересовался, как у нас дела. Родила ли я, жива ли я?

И мне стоило огромных усилий вырвать его из сердца. А из головы – все воспоминания о нас. О нашей семье. Как будто и не было ничего. Хотя... я же ему не была даже женой. Я осталась за бортом его жизни. Без жилья и с младенцем на руках. И если бы не сестра Кира, мы бы с Киrom не выжили.

Стерла все телефоны, фото, сообщения. Кроме того, последнего. Как напоминание о том, что он со мной сделал. Растоптал, уничтожил. Оставил пепел на том месте, где билось сердце.

Когда я вернулась из больницы с Кирюшкой, оказалось, что наш общий дом продан и все контакты оборваны. Я не

смогла даже связаться с Лешей и поговорить. Он растворился в пространстве...

Только Кирюшка заставляет меня дышать и жить. Ради него все пережитое.

– Кирюш, – изображаю строгую мать, – вчера ты мне говорил, что хочешь стать хоккеистом, а сейчас просишь купить тебе мяч.

Сын деловито пожимает плечами.

– Я передумал. Хочу мяч, – хлопает огромными невинными глазами.

Вздыхаю. Ну вот как ему отказать? Мяч – это же такая мелочь, казалось бы.

– Хорошо. Мяч, и все. И мы идем за продуктами, – грожу ему пальцем.

Кир кивает головой и залетает в отдел с игрушками. Мне же ничего не остается, как только пойти за ним.

Сын придиричиво крутит в ручках мячики и выбирает с таким видом, будто от этого мяча зависит, станет ли он именитым футболистом или нет.

– Этот хочу, – прижимает к груди мяч с синими полосами.

Кассир пробивает его, и я лезу в рюкзак за карточкой.

– Безналичный, пожалуйста.

– Дядя, лови мяч! – голос моего сына отвлекает от разговора с работником магазина.

Оборачиваюсь и, как в замедленной съемке, вижу, как мой сын бежит за мячом, который пересекает проход магазина и

катится к эскалатору торгового центра. Кир не глядя несется за ним, не реагируя на мой вскрик.

Быстро расплачиваюсь. Не дожидаясь чека, срываюсь с места и бегу к ребенку, но мяч уже успевает врезаться в ноги стоящему впереди мужчине.

Точнее, мужчина реагирует на окрик моего ребенка и тормозит мяч ногой, чтоб тот не улетел на эскалатор. А Кира перехватывает за плечо.

Выдыхаю и подбегаю к Кирюше. Он стыдливо опускает глаза. Наклоняюсь к нему, и наши лица оказываются на одном уровне.

– Кирюша, это что такое? Ты почему без меня убежал? А если бы я не успела догнать?

Отдуваюсь. Жду, пока сердце в груди перестанет колотиться как ненормальное. Да у меня за пару секунд вся жизнь перед глазами пронеслась.

Боже, а если б он свалился с этого эскалатора! Боже, боже, боже...

– Девушка, за детьми нужно следить лучше, – недовольный, но до боли знакомый голос врезается в сознание.

Тело как будто заковывает в лед. Не верю ушам. Нет, да не может этого быть! Мне чудится. Кажется! Это все от волнения. Точно! Волнение и ничего больше.

Его не может быть тут... не может же?

Поднимаю голову, напарываюсь на холодный взгляд голубых глаз.

Губы немеют. Сердце сжимается, а ладони покрываются влагой. Я не могу вздохнуть, и легкие сжимает до боли.

– Леша? – онемевшими губами все же удастся произнести эти четыре буквы.

Он хмурится. Смотрит, будто видит впервые. Или не узнает?

Но я вроде не изменилась почти! Волосы светлее, стрижку сделала, постройнела. Но лицо-то осталось моим! То, которое он видел на протяжении трех лет.

– А мы знакомы?

Этот вопрос убивает. Меня будто в саркофаг заживо затачают. Хочется заорать во всю глотку: «Да! Да, да, да! Ты бросил меня, когда я носила твоего ребенка!». Упасть и биться в истерике.

Или схватить его за ворот пиджака и вытрясти ответ на единственный вопрос: почему он тогда исчез?

Но он делает вид, что не знает меня. И даже не смотрит на нашего сына.

– Ма, – Кирюша дергает меня за руку, – пойдем в магазин?

Отвлекаюсь. Заставляю отвести глаза от бывшего мужа и сосредоточиться на ребенке.

– Сейчас, малыш. Поблагодарим дядю.

Открываю рот, чтобы сказать ему спасибо, но меня перебивает женский голос.

– Ле-е-е-шечка, ну мы идем? – на его руке повисает та самая его помощница с последнего фото. – Что ты тут за-

стрял? Ты обещал сегодня кроватку купить.

Окидывает меня высокомерным взглядом, и я замечаю проблеск узнавания. Но он быстро тухнет. А ещё замечаю животик. И кольцо на безымянном пальце.

Добираюсь до дома в полубессознательном состоянии. Даже не рискую сесть за руль – вызываю такси.

Возле дома машина сестры, а сама сестра что-то достает из багажника. Отвлекается на звук подъезжающего авто и выглядывает из-за машины.

Дрожащими руками достаю Кирюху из детского сидения и подталкиваю к воротам. Стараюсь дышать, иначе боюсь грохнуться без чувств.

– Спасибо, – голос дрожит, руки ходуном ходят.

И я замечаю это, когда закрываю дверь машины.

Кира вопросительно выгибает бровь.

– Сынок, иди поиграй с новым мячом. Ворота можешь соорудить из бутылок пятилитровых, – подталкиваю сына в спину.

Сестра швыряет пакеты обратно в багажник машины и подбегает ко мне. Обхватывает плечи и всматривается в лицо.

– Ник, ты чего? У тебя выражение такое, будто ты призрак увидела.

Мотаю головой, потом киваю. Прикрываю глаза.

– Типа того, – разлепляю пересохшие губы, – я встретила

Лешу.

Сестра шокировано охает и вворачивает какое-то витиеватое ругательство. Но у меня в ушах шумит так, что я разбираю только отдельные звуки. И не могу связать их воедино.

– И что он?

Высвобождаюсь из захвата и в бессилии опираюсь на машину сестры. Роняю голову на грудь и скулю.

Кира садится рядом, гладит по голове.

– Ну что ты, моя девочка? – прижимает к себе. – Ты столько пережила и не имеешь права сейчас опускать руки или расклеиваться. Ну встретила ты этого козла, ну и хрен бы с ним. Он свой выбор сделал ещё четыре года назад, и никто его не заставлял уходить.

Прячу лицо в ладонях и всхлипываю.

– Он сделал вид, что мы незнакомы, – приглушенно бормочу.

– Чего он сделал? – ревет над ухом сестра. – Вот ган...

– Ма, – теплые ладошки сына пытаются отодрать мои ладони от лица, – ма, а что ты плачешь? Ма-а-а-а.

Кирюшка тоже начинает хныкать, и мне приходится подальше задвинуть свою собственную боль, только бы сын не начал плакать. Вытираю слезы и выдавливаю улыбку.

– Все хорошо, сыночек. Мама просто что-то плохо себя почувствовала, – пытаюсь сгладить момент и не волновать сына.

Мой малыш и так многое уже перенес за свои четыре года. Врачам пришлось выхаживать его после экстренных родов. Он родился недоношенным, и мы провели с ним два месяца в больнице, пока врачи не убедились, что ни мне, ни ему не грозит опасность и нашим жизням ничего не угрожает.

– И вообще, мы после магазина, пора бы подкрепиться. Там что-то тетя Кира тебе привезла, – веселый голос сестры отвлекает Кирюшу от меня, и он с довольным визгом лезет в пакеты за нашими спинами.

– Что там? Что? Что там, тетя Кира?

Сестра смеется и достает сыну большое яблоко. Сын кукуется и надувает губы.

– И это все? Яблоко?

– Остальное после нормальной еды, – хватает его за бок.

Сын взвизгивает и уносится в дом.

– И что ты будешь делать, Ник? – Кира задумчиво щиплет себя за губу, смотрит на дом.

Пожимаю плечами.

– Ничего. Я отпустила его давно, пусть так и будет дальше, Кира. Мне ничего от него не нужно. Мы сами справились. К тому же у него уже другая семья и скоро будет ребенок.

Сестра открывает рот, но не говорит ни слова. Видимо, ей нужно время, чтобы переварить информацию.

– Не говори ничего, – мотаю головой, – четыре года прошло. У каждого из нас своя жизнь.

Кира кивает, но в её глазах застывает тоска.

А я будто снова переживаю время, когда приходилось выдира́ть себя из кошмаров. Обустройства́ дом. Подстраива́ть его под нужды ребенка. Делать его безопасным. И тут тоже нам помогала сестра.

– Кира, – хватаю её за запястье и ловлю на себе её удивленный взгляд, – спасибо, что ты нам помогаешь. Хотя у самой сейчас проблем много.

Сестра цокает.

– А как иначе? Мы же с тобой семья.

– Тебе бы с Аликом разобраться, а ты с нами нянькаешься.

Кира меняется в лице. Болезненно морщится.

– Алик в прошлом. Нет его больше для меня, Ника. Как и для тебя Леши. И давай на этом закроем тему.

Сестра находится в состоянии развода с Аликом. И старается не касаться лишней раз темы их семьи и несложившегося семейного счастья. Да и я оберегаю Киру от ненужных волнений. Сестра и так на пределе.

Вручает мне бумажный пакет, сама сгребает в охапку ещё два.

– Что ты там набрала? – отдуваюсь, но тащу все в дом.

Кира хмыкает.

– Племяш, дверь поддержи, – кричит, чтобы сын её услышал.

Кирюшка мгновенно материализуется на пороге и придерживает дверь. Нетерпеливо приплясывает и пытается заглянуть внутрь сумок.

Кира со смехом отодвигает их, и сын обиженно выворачивает нижнюю губку.

– Ну, тетя Кира.

– Потом, малой. Сейчас мы с мамой разгребемся.

Кирюха пфыкает и скрывается в зале.

Кира включает телевизор на кухоньке, и я цепляюсь взглядом за знакомый профиль. Все та же щетина, русые волосы в беспорядке, глаза прищуренные. Только морщин немного прибавилось за четыре года.

Но Леша возмужал. И похорошел, черт возьми.

– С возвращением вас, Алексей, – голос репортера оглушает, и я перестаю дышать.

Всматриваюсь в экран телевизора. Впитываю каждую черточку лица бывшего мужа. Сердце трепетно шевелится в груди.

Кира прислушивается и тоже начинает пялиться в экран.

Леша откашливается и улыбается одной стороной губ. Смотрит словно на меня. Пронзительные голубые глаза вспарывают мое лицо.

– Спасибо.

– Расскажите о дальнейших планах.

Леша пожимает плечами. Наигранно смеется, и я узнаю манеру общения с разными представителями СМИ. Там, в другой жизни, он часто появлялся на экранах.

– План один. Покорять вершины бизнеса. Только вперед и ни шагу назад.

Репортер смеется и пытается строить глазки.

– А как у вас на личном фронте?

Улыбка на лице Леши становится более натянутой, или мне хочется, чтобы так было.

– У меня есть жена, которая скоро родит ребенка. Этого достаточно для счастья. Извините.

Он прощается, а у меня в груди образуется пустота.

Жена... ребенок... Это значит, что Леша потерян для нас с Кирюшей навсегда.

Кира косится на меня. Ждет истерики? Срыва?

Прикусываю губу. Я и правда держусь с трудом, но держусь.

– Ник, ты как?

Поднимаю большой палец и переключаюсь на готовку ужина.

– Прекрасно, сестренка. Можно считать, что точка поставлена. У него есть любимая женщина и будет ребенок. А мы для него ничего не значим.

Глава 3

– Ну все, малыш, – обнимаю сына, – до вечера. Вечером привезу тебе твой «мустанг». Красный, да?

Кирилл кивает и бежит в группу. Там его уже встречает воспитатель, и до меня доносится их разговор. Она спрашивает у него, как он провел выходные.

Сын гордо сообщает, что решил стать футболистом. Не могу сдержать смех и выхожу на свежий воздух.

Усаживаюсь за руль и выдыхаю.

– Два дня пережила, и даже не ревела. Надо же, прогресс.

Хотя какой там пережила, если сижу, сжимаю руль и разговариваю сама с собой. Качаю головой.

Тянусь за телефоном, чтобы включить звук, и тут же на него поступает звонок.

– Слушаю, – прижимаю мобильный плечом к уху и выезжаю с территории парковки.

– Вероника, – взволнованный голос Маши, моей помощницы, – ты когда приедешь?

Бросаю взгляд на часы и хмурюсь. До открытия моей клиники ещё есть час.

– Что стряслось, Маш? Критичное что-то?

– Не то чтобы... Позвонили с приюта, который вы взяли под свое крыло, и просят осмотреть щенков. Им кто-то подкинул аж четверых.

Сжимаю зубы и выдыхаю.

– Еду, минут двадцать, и я на месте. Пусть приносят.

– Хорошо, спасибо, – пищит Маша и отключается.

Проверяю вызовы и ругаюсь сквозь зубы, когда вижу в пропущенных вызов от Ольги, куратора приюта. Ну да, за чем включать звук на телефоне после сна?

Я обожаю свою работу. После декрета я вернулась к лечению животных, но у моей работы есть обратная сторона. Не так давно ко мне начали приносить брошенных животных. Приют, где содержится не один десяток хвостиков.

И я не смогла остаться в стороне. Помогаю им по мере возможности. Провожу осмотры, делаю прививки.

Маша поначалу не понимала, зачем мне это. А я сразу почувствовала, как мне жизненно необходимо помогать. Ведь когда-то и я оказалась как брошенный щенок. Ненужная Леше.

А когда смотрю в доверчивые глаза кошечек и собачек, вижу их боль и немой крик о помощи.

Торможу возле здания, где снимаю помещение под свою клинику. Хватаю с заднего сидения сумку с формой.

– Привет, Маш. Оль, привет. Утро понедельника началось с очередного подарка.

Ольга расстроено кивает.

– Да уж. Последнее время что-то люди совсем озверели. Это третий случай за месяц. Раньше могли подкинуть раз в четыре месяца.

Качаю головой и иду переодеваться.

Нужно успеть до записи. Приходится делать все быстро, не отвлекаясь на разговоры. Удивляет то, что все щенки оказываются в отличном состоянии и им практически не нужен никакой дополнительный уход. Достаточно прививки и обработки от паразитов и блох.

– Так, три мальчика и одна девочка. Очень похожи на чауски.

Ольга фыркает и удивленно выгибает брови.

– Это ещё кто?

Улыбаюсь и глажу по голове щенка. Он довольно ластится и бодает мой бок.

– Это чау-чау и хаски. Помесь.

– Ух ты. Породистые, что ли?

Пожимаю плечами.

– Очень похоже.

– Класс, есть вариант быстро пристроить. Спасибо тебе, Вероника.

Киваю и прощаюсь с Ольгой. Присаживаюсь выпить чашку зеленого чая. Успокоить нервишки и сделать передых перед основным приемом.

Над дверью дзинькает колокольчик, и я поворачиваюсь к посетителю. Улыбка на моем лице вянет, когда передо мной возвышается Вероника. Помощница бывшего мужа и его любимая женщина...

– Здравствуй, Вероника.

Садится без приглашения и закидывает ногу на ногу. Красивая, уверенная в себе, полная противоположность мне во внешности. Если я невысокая, то про таких, как Вероника, говорят «ноги от ушей». Мои темно-русые волосы против её шевелюры цвета воронова крыла. Мои синие глаза против её черных колдовских.

Внешне она может и выигрывает, только красивой оберткой не скроешь внутреннюю гниль. А та, кто увела из семьи мужчину, автоматически становится для меня гнилью...

– Поговорим?

В приемную на голос посетителя выбегает заполошная Маша.

– Все хорошо, Маш, это ко мне. Подготовь, пожалуйста, пока кабинет. У нас первый посетитель через десять минут.

Конечно, Маша это и без моего напоминания знает, но именно этой фразой я даю Веронике понять, что не собираюсь тут с ней засиживаться. И лучше бы ей сразу перейти к сути.

Чего её вообще ко мне принесло?

– Поговорить о чем? – облакачиваюсь на стол и встречаюсь взглядом с той, которая забрала у меня любимого мужчину.

Вероника тушует, и даже немного самоуверенности слетает с неё. Опускает глаза и кладет ладонь на живот.

Стараюсь не рассмеяться. Неужели она думала, что я не заметила её положения? Это надо быть слепой, чтобы упу-

стить эту деталь.

– Я хотела попросить вас, Вероника, – и голос такой невинный, тоненький.

Но эта напускная невинность режет слух. От неё веет неестественностью.

– У меня мало времени, поэтому если можно, то сразу к делу.

Вероника облизывает пухлые губы. Поднимает на меня карие глаза. Сглатывает, как будто не может решиться начать разговор.

– Я бы хотела попросить не искать встречи с Лешей и не напоминать ему о том, кто вы.

Выгибаю бровь.

– В каком смысле «напоминать»?

Она откидывает волосы от шеи и прикусывает губу.

– Дело в том, что Леша получил травму пару лет назад. Пришлось пережить самый настоящий ужас, – прикладывает руку к груди, и на глазах выступают слезы, – я думала, что он не выживет.

После этих слов сердце в груди останавливается. Застывает и перестает качать кровь по венам. Да все вокруг словно застывает...

– Что случилось? – не получается спросить это ровным голосом.

В нем слышна дрожь.

– Какие-то психи напали на него, когда он перевозил оче-

редную, — она крутит в воздухе рукой, — побрякушку для шишки. И вот. Удар по голове, кома...

— Кома... — повторяю эхом, — два года назад?

Она кивает.

— Да, мы тогда с ним уже были женаты, — невзначай проводит подушечкой указательного пальца по кольцу, — он, очнулся когда, меня с трудом узнал.

Голос Вероники тоже начинает дрожать. А я просто сижу и пытаюсь переварить услышанное.

— И что дальше?

Я чувствую, что это не все, о чем она хочет сказать.

Она пожимает плечами.

— Потом в процессе общения я поняла, что Леша просто какой-то период в жизни забыл. Не помнит абсолютно ничего. Года три, кажется. Ну и вот на днях он встретил вас, и я поняла, что вас он тоже не помнит.

Делаю резкий вдох, а перед глазами начинает плыть обстановка кабинета. Да и Вероника становится нечеткой. Как будто на глазах слезы. Дотрагиваюсь пальцами до глаз, но они сухие. Я не плачу.

— От меня-то что вы хотите?

Вероника поджимает губы.

— Чтобы вы не рассказывали ему, кто вы такая. Врач категорически запретил рассказывать Леше что-то и напоминать. Он должен сам, иначе может случиться ещё одна кома от перегруза его мозга информацией. А я не хочу снова это

все переживать.

С её ресниц срывается слеза и катится по щеке. На автомате достаю салфетку и протягиваю ей. Она благодарно кивает.

– Спасибо. Вероника, я понимаю, что я в свое время поступила отвратительно, когда сошлась с Лешей. Но я просто не могла без него жить. Да и он так настаивал, что я просто не смогла устоять. Да и как устоишь, когда любимый мужчина готов на все ради тебя?

Каждое её слово попадает в самое сердце. Заставляет внутреннюю меня корчиться от боли. Снова переживать предательство. Снова чувствовать то, что я чувствовала тогда в роддоме, когда получила то сообщение от Лешки.

Вероника перегибается через стол и ловит меня за руку. Сталкиваемся взглядами, и в её глазах столько мольбы, что мне самой хочется разреваться.

– Пожалуйста, не подвергайте Лешу таким испытаниям. Он может не пережить второго такого удара, а у нас скоро ребенок родится, – сжимает мои пальцы, – пожалуйста. Ну и..., – пауза, – в свое время Леша выбрал меня.

Прикусываю щеку. В мозгу бьется мысль, что я не имею права подвергать Лешку такой опасности. Не могу... не прощу себе.

А сын... Значит, Леше не суждено узнать про Кирюшку. Только если он сам не вспомнит, что бросил меня чуть ли не перед самыми родами.

Делаю глубокий вдох.

– Я могу все выписки вам показать, привезти, могу с врачом вас свести, чтобы вы поговорили. Если вы мне не верите. Кривлю губы.

– Не стоит, – мотаю головой, – я верю.

Тем более я своими глазами видела, что Леша меня не узнал. Получается, он не притворялся. Он реально меня не помнит.

– Как вы меня нашли?

Вероника смущенно отводит глаза.

– У меня не было выбора. Мы вернулись в город несколько дней назад, и вы уже столкнулись. Ради здоровья Леша я готова была весь город перерыть и найти Вас. У меня не было выбора, я должна была вам рассказать, чем может обернуться для мужа рассказ о прошлом. Я не готова так сильно рисковать и пускать все на самотек.

Хм. Надо же. Слушаю Веронику и понимаю, что сама бы действовала так же, если бы на кон была поставлена жизнь любимого человека. Я бы сделала все то же самое, что сейчас делает моя соперница, о которой я даже не подозревала в свое время.

– Хорошо, я не буду искать встречи с Лешей и не скажу ему ни слова про себя и про то, кто я такая. Извините, мне пора работать.

Как бы отвратно я себя ни чувствовала, но Леша должен остаться в прошлом.

В этот момент в приемную заходит мой первый клиент. Приходится нацепить на лицо улыбку. И мне в этот момент плевать, насколько она фальшива. Насколько я сама выгляжу отвратно.

Я сама себя прощаю. Меня снова разрушили. Отняли надежду, что Леша может вернуться.

– До свидания, Вероника. Спасибо вам, – новая жена Леша встает и покидает мою клинику.

И только после её ухода я могу выдохнуть.

Глава 4

Несколько дней я не могу перестать думать о разговоре с Вероникой. Не могу перестать пропускать каждое её слово через свой воспаленный мозг.

Два года. Потеря памяти. Перечеркнутые воспоминания о нас.

Сердце в очередной раз заходится болезненным темпом, а в легких перестает хватать дыхания. Тянусь к бардачку, шарю рукой в поисках спасительных успокоительных таблеток. В свое время они здорово помогли мне не скатиться в депрессию и не потерять связь с Кирюшкой.

И сейчас снова приходится напоминать себе, что нужно жить дальше. Без Леши. Зато с сыном от Леши. И это для меня как дар.

Закидываю таблетку в рот и дотягиваюсь до бутылки с водой. Но она выскальзывает из руки и падает мне под ноги.

– Да что ж такое? – тянусь к ней.

В этот момент моя машина резко дергается и её ведет на соседнюю полосу.

– Мамочки, – вцепляюсь в руль и пытаюсь выровняться, как ненормальная давя на тормоз.

В ужасе понимаю, что тормозов нет и сейчас я прилечу в задницу передней тачки. Закусываю губу, продолжая попытки остановить машину, прежде чем произойдет непоправи-

мое.

Но не успеваю...

Я ни черта не успеваю и на светофоре торможу при помощи машины, которая останавливается впереди меня.

– Прекрасно, – долблю по рулю.

Закусываю губу и скулю. Зажмуриваюсь, как маленькая. Как будто это поможет решить проблему. Хорошо хоть, страховка у меня на максималках. В свое время решила не экономить на этом.

Из переднего внедорожника выходит водитель. А я на панике решаю, что делать.

Хватаюсь за телефон. Может, позвонить Максу? Он больше понимает во всех этих страховых случаях. Не просто так же держит службу аварийных комиссаров.

Уже заношу палец над именем Макса, но вспоминаю, что в последний раз мы с ним не слишком удачно расстались.

А все потому, что он давит на меня со своими отношениями, а я не готова. После Леши он вообще первый, с кем я пошла на свидание.

Стук по стеклу переключает меня с телефона. Делаю глубокий вдох и перевожу взгляд на стоящего на улице.

– Вот черт, – глаза против воли лезут из орбит.

Водитель пострадавшей машины кивает, чтобы я вытащила свое тело из своей машины, а мне хочется трусливо забиться под руль и не дышать. Да вообще превратиться в невидимку, но не пересекаться снова с этим человеком.

Но Леша решает иначе. Дергает ручку моей машины и заглядывает в салон.

– А, старая знакомая, – ухмыляется знакомой ухмылкой, – ну привет. Оттого, что ты тут сидишь, машины не восстановятся.

Когда он успел стать таким высокомерным засранцем? Этот тон меня отвращает, и я напоминаю себе, что для него я незнакомка.

Да, мне настолько сильно фортануло, что из потока машин я выбрала именно Лешину!

Опускает взгляд на мои коленки и фыркает.

– Ты под чем-то, что ли? – кивает на блистер с таблетками.

У меня от шока глаза округляются ещё сильнее.

– Ага, под валерианой, – шиплю сквозь стиснутые до боли зубы.

Отодвигаю его с прохода и выхожу оценить масштаб катастрофы.

– Боже, – вырывается при виде разбитого бампера и фары, помятого капота и отвалившейся решетки.

В то время как у машины Леша только царапина на бампере.

– У вас что, броневедомство? – выкрикиваю, хлопая глазами.

– Да нет, просто такая машина, как у тебя, вообще небезопасна. Кто посоветовал тебе её купить вообще? – вопросительно выгибает бровь и пренебрежительно смотрит на мою

малышку.

– А когда мы перешли на «ты»? – кривлю губы.

Леша закатывает глаза и скалится.

– При таком близком знакомстве грех не перейти на «ты», – показывает на наши слепленные тачки, – ты так не считаешь?

Закипаю от его наглости. Да он никогда таким не был! А сейчас смотрит на меня, как будто увидел грязь под ногтями.

– Не считаю, – грозно рычу.

Ага, да, ещё ножкой остается топнуть для более правдоподобного эффекта.

Леша в ответ начинает хохотать.

– В принципе, мне пофиг на твоё мнение. За ребенком не смотришь, за тачкой, видимо, тоже.

Кивает на колесо, и я только сейчас замечаю, что колесо странно вывернуто. От аварии такого быть не должно.

Мычу. Слова все растворяются в мозгу.

– Это что?

Леша подходит сзади и наклоняется к уху.

– Это шаровая, зайка. Тачки надо периодически проверять на СТО-шках. Они, знаешь ли, имеют свойство ломаться.

Скриплю зубами. Во мне крепнет желание заехать своему бывшему прямо по роже и поставить его на место. Но, конечно же, это остается только в моей фантазии.

– Моя страховка все возместит, – пожимаю плечами.

– Ну, прежде чем она возместит, надо бы гайцов вызвать, наверное, – достает телефон и набирает номер. – Вот почему, когда куда-то спешишь, вечно вылезет какая-нибудь проблема.

И на меня косится. Погодите-ка... это он меня проблемой назвал?

– Сама хоть не пострадала? – осматривает меня.

А я не сразу понимаю, что он спрашивает о моем состоянии. Прислушиваюсь к себе и мотаю головой. Вроде все нормально и ничего не болит.

– Добрый день, это аварийные комиссары? Ага, авария, – Леша осматривается и диктует адрес, – ждем. Да нет, не особо мешаем, две полосы свободны.

Заканчивает звонок и встречается со мной взглядом.

– Аварийный знак есть?

Моргаю. А он снова закатывает глаза и лезет в свой багажник. Достает какую-то коробку и идет за наши машины. Я, как собачка, мельтешу за ним. Он раскладывает аварийный знак и ставит недалеко от моей машины.

Склоняет голову, и я замечаю шрам на виске. Которого не было, когда мы виделись последний раз перед его отъездом. Все тело пронзает болезненный спазм.

Значит, правда. Про травму правда!

– Ну и чего ты застыла? – наклоняет голову и критично меня осматривает.

Оборачиваюсь.

– Да тебе я, тебе, – в его голосе сквозит злость, – не водитель, а макака с гранатой.

Открываю рот. Ну это уже слишком. Или что, когда он травму получил, у него выбили такт и вежливость?

– Знаешь что, – подхожу к нему и тыкаю пальцем в грудь, – я, конечно, виновата, но это не дает тебе права меня оскорблять и мешать с грязью.

Сама переключаюсь на гадское «ты», но я настолько сейчас зла, что не до вежливости особо. Нашелся прям праведник и правильный мальчик.

Леша перехватывает моё запястье, и меня бьет током. Отдергиваю руку. Леша сам стоит и удивленно смотрит на ладонь.

– Это что ещё за фигня? – задумчиво рассматривает руку.

– Это называется статическое электричество. На физику в школе надо было ходить.

Он прищуривается, и я ловлю его подозрительный взгляд.

– Откуда ты знаешь, что я прогуливал физику?

Прикусываю язык. Вот же...

– Откуда я могу это знать? Но чисто по вашей растерянной м... по лицу растерянному, можно сделать вывод, что вы не дружите с этим предметом.

– Ты хотела сказать «мордой»?

– Что? – хмурюсь.

– Ты хотела сказать «мордой», зайка, я не тупой.

Боже, откуда это его похабное «зайка»? В прошлом он ни-

когда меня так не называл, а тут уже второй раз.

– Да, хотела, – не вижу смысла препираться, – и что дальше?

Складываю руки на груди и изображаю грозное лицо. Он хмыкает.

– Ну хоть не отпираешься. Плюстик тебе.

Закатываю глаза. Стараюсь перебороть навязчивое желание стукнуть Лешу чем-нибудь за это его поведение, которое ему вообще несвойственно.

Хотя... четыре года прошло. Люди меняются.

– Засуньте эти плюсики себе в ж...

Меня заглушает сигнал проезжающей машины, а Леша начинает громко хохотать в ответ на мой выпад.

– Черт, а ты забавная.

Кривлю губы.

– Думаю, ваша жена будет не в восторге, что вы сейчас стоите тут на дороге и пытаетесь сделать хоть и кривой, но комплимент левой девушке.

Он оглядывается по сторонам.

– Ну так и жены тут нет. Или я её просто не вижу? А она стоит за моей спиной? – наклоняется ко мне, и наши глаза оказываются на одном уровне.

Ну все. С меня хватит. Не могу больше спокойно находиться рядом с ним. Не могу поверить, что нельзя прикоснуться к нему и сказать, кто я такая.

– Пойду в машине подожду комиссаров.

Да! Я сейчас тупо сваливаю. Сливаюсь, как это ещё любят сейчас называть. Но я не уверена, что смогу справиться с собой и не выдать ещё что-то. Про физику же сказанула не подумав. А Леша реально в школе физику прогуливал, он мне сам рассказывал в том далеком прошлом.

– Сбегаешь, зайка?

Рычу. Топаю ногой, разворачиваюсь лицом к нему.

– Хватит. Меня. Так. Называть, – поднимаю указательный палец.

Леша невинно хлопает своими голубыми глазами.

– Ну так я не знаю, как тебя зовут, – пожимает плечами.

Облизываю губы.

– Вероника. Меня зовут Вероника.

И в груди зарождается надежда, что, может, вот сейчас Леша вспомнит, что я та, кто носила его ребенка, и та, кого он так беспощадно предал.

– Прямо как мою жену, – усмехается.

Нет, он не вспомнил. Ни капли узнавания в глазах.

– Какое совпадение, – язвлю и прячусь в машине.

Обхватываю руль и шумно выдыхаю. Сердце при каждом ударе пронзает боль, и приходится затаивать дыхание, чтобы унять неприятные ощущения.

Перед глазами мелькают картинки нашего с Лешей знакомства: как он притащил ко мне лабрадора, у которого врос ноготь в лапу, и как мы его держали, чтобы он нас не покалечил.

А потом пришел ещё раз... без пса, но с огромным букетом тюльпанов. Был март... и природа просыпалась после зимы.

Очередной стук в окно заставляет вздрогнуть.

– Вик, ты, что ли, виновница?

Ну конечно, для полной картины не хватает Макса.

– Привет, Макс, – выдавливаю уставшую улыбку.

– Как ты умудрилась? – он осматривает машину и сжимает губы в тонкую полосочку. – Да уж, встряла ты.

Наклоняется и быстро целует в губы.

– Вы бы даму свою научили проходить осмотр, – слышу резкий голос Леша и отталкиваю Макса.

Он вопросительно выгибает бровь, а я одергиваю себя. Какая разница вообще, что меня Макс целует при Леше?

Какая кому разница?

Макс выпрямляется и поворачивается к Леше.

– Не переживайте, я со своей дамой сам разберусь, окей?

Морщусь от грубости Макса. Леша складывает руки на груди, отчего мускулы на руках надуваются.

– Вообще-то это я вас вызвал, чтобы вы тут все оформили. Так что давайте побыстрее, мне ехать надо. А с дамой разбирайтесь, как хотите.

Макс достает из сумки планшет и записывает все данные, мои и Леша. Делает несколько фотографий.

– Видишь, как хорошо, что ты сделала страховку по максимуму. Они все возместят, и забудешь эту аварию, как

страшный сон, – Макс притягивает меня к себе за плечи.

Неопределенно угаваю.

– Вы можете ехать, – Макс вручает копию протокола Леше, – дальше все будет решать страховая.

– Отлично, благодарю.

Леша бросает на меня быстрый взгляд, скрывается в машине и срывается с места. Оставляет меня наедине с Максом.

– Ну что, как ты, Вероничка? – стискивает меня в объятиях.

А меня пронзает дикое желание оттолкнуть. Отпрянуть. Стряхнуть с себя чужие руки.

Чужие руки... А чьи руки не чужие? Леша? Так он уже вообще чужой муж и скоро станет отцом.

Прикрываю глаза, делаю глубокий вдох. Твержу себе, что все позади и мы больше с Лешей не пересечемся. Очень на это надеюсь.

– Как видишь. Не представляю, как я теперь без машины. Мне же Кирилл в сад и из сада забирать.

Макс хмыкает.

– Ну так на автобусе покатаетесь, делов-то.

А мне выть хочется, когда я думаю, что придется Кира в автобус тащить. Его будить-то – это целое приключение. Он у меня самая настоящая сова.

Досыпает по пути в сад, а тут... автобус.

Передергиваю плечами.

– Так, я погнал, короче, дальше. Справишься сама же?

– А-а-а-а, – блею, смотря на разбитую машину, – а что делать-то?

Макс оборачивается, почти уже подойдя к машине.

– Эвакуатор вызывай, – равнодушно пожимает плечами, – у меня просто правда нет времени с тобой тут торчать, – садится за руль и уезжает. Пока я стою и, как рыба, попавшая в сети, открываю рот.

И он вот так просто меня бросил?

– Прелесть какая, – пишу, стараясь не впадать в панику.

Делаю несколько глубоких вдохов. Первое, что мне нужно, – успокоиться и не разреветься. Хотя я себя сейчас чувствую старухой у разбитого корыта.

Глава 5

Рядом со мной тормозит уже знакомая машина.

– Знак забыл забрать, – Лешин голос не добавляет спокойствия, – а тебя че, одну оставили, что ли? С разбитой тачкой?

И это меня добивает. Громко шмыгаю. Пока по лицу катятся слезы, начинаю скулить. Киваю.

– Ну ни хрена ж. Ты где такого мужика откопала?

А я ничего не могу ответить, только некрасиво всхлипываю и вытираю слезы.

– Так, ну-ка в руки себя взяла, – рывкает Леша, встряхивая меня, – чего ты реवेशь?

– Я не знаю, что мне делать, – перед глазами плывёт, и лицо Леша превращается в размытое пятно.

Шумный выдох.

– Номер эвакуатора есть?

Мотаю головой. Леша громко цыкает.

– Что ж мне с тобой делать? Не бросать же, как твой мужик.

Жалит словами по самолюбию.

Звонит кому-то. Я слышу, как он договаривается с эвакуатором.

– Двадцать минут, ага, понял. Не, тачка не на ходу. Да тут шаровую вырвало, ещё и в аварию. Ага, трешка, ясно. Устраивает, благодарочка.

А вот сейчас я узнаю прежнего Лешу. Он обычно так и общался со многими. Как свой...

– Спасибо, – вытираю нескончаемые слезы.

– Спасибо в карман не положишь.

Хлопаю глазами.

– Могу заплатить.

Леша запрокидывает голову и начинает хохотать.

– Да я и сам могу заплатить.

Прикусываю губу. Да уж, глупость сморозила. Бизнес Леша же никуда не делся, и он не перестал быть очень состоятельным.

– Я могу и сама дожждаться, – предпринимаю попытку освободить Лешу от своего общества.

– Ага, чтобы ты разревелась, когда твою тачку надо будет затаскивать на эвакуатор. Я уж подожду. Побуду рыцарем.

Давлюсь от этой фразы.

– А жена не будет против, что вы вызываетесь стать рыцарем для другой женщины?

Черт, мне очень больно произносить такое. Потому что я привыкла считать Лешу своим и за четыре года не смирилась, что он ушел к другой. Выбрал другую.

Но... нужно постоянно напоминать себе, что это мое прошлое...

Пока Леша со мной ждет, ему кто-то бесконечно звонит. Он почти все время решает какие-то вопросы, а меня это очень устраивает. Можно молча пялиться в асфальт и не от-

вечать на вопросы. Не поддерживать беседу ради вежливости.

— О, а вот и наш спаситель.

Леша помогает загрузить машину, пока я слежу за его уверенными движениями. Больно... больно понимать, что этот мужчина больше не мой. Не со мной, и не решит вот так другие проблемы.

— Чего встала? — щелкает перед носом пальцами. — Садись в машину.

Кивает на свой серебристый внедорожник.

— Э-э-э... зачем? — непонимающе хлопаю глазами.

— А как ты собираешься показывать, куда машину тащить?

Быстро, я и так задержался, — уже резче рывкает.

Не рискую спорить и тянусь к задней двери.

— Хозяйка, куда ехать-то? — выглядывает водитель эвакуатора из окна и кивает на дорогу.

Теряюсь. Смотрю беспомощно на Лешу, он закатывает глаза.

— Вперед садись! Сзади чемоданы, некогда выгружать.

Не спорю, молча усаживаюсь на сидение и пристегиваю ремень безопасности.

— Ну так куда? — Леша поворачивается ко мне и вопросительно выгибает бровь.

Точно не ко мне домой. Я не хочу, чтобы Леша знал, где мы с Кириллом живем. Я не думаю, что он будет искать встречи со мной, но лучше перестраховаться.

– Наверное, на станцию обслуживания? – закусываю губу. – Но я, если честно, не знаю хороших.

Ну почему я рядом с ним ощущаю себя какой-то недоразвитой? Идиоткой... Да и вот эти его снисходительные взгляды и закатывания глаз просто бесят.

– Ладно, отвезу к клиенту, у него какая-то сеть этих станций. Думаю, он поможет. Попрошу, – и тон такой благоклонный, чтоб его.

Вот как он может одним словом опустить человека? Как?

– Благодарю, – не скрываю в голосе ехидство.

Никогда я не была рядом с ним жертвой, и сейчас не стану. Пусть смиритса, что не все готовы заглядывать ему в рот и терпеть его выпады.

Леша качает головой и трогается с места.

– Вот объясни мне, как ты, такая беспомощная, ребенка растишь? Где, вообще, его отец и почему он не решает твоих проблем? – ошарашивает меня вопросами.

Таращусь перед собой. Кусаю до боли нижнюю губу, только бы не сказать ему правду. А то я могу сейчас, меня переполняет возмущение.

Да какое он право имеет такое мне предъявлять?

Набираю полные легкие воздуха и с шумом выдыхаю.

– А почему вы, мужики, считаете, что девушка без вас и дышать не сможет? А? Что за первобытные стереотипы?

Леша запрокидывает голову и начинает хохотать. И его смех током проносится по телу. Вызывает отклик, воспоми-

нения. Когда мы вместе были, когда вот так же ездили куда-то и он шутил.

– Да потому что это реально так. Вон, – кивает на зеркало заднего вида, – даже с эвакуатором не смогла решить вопрос. А тут целый ребенок.

Приказываю себе успокоиться и не вестись на провокации Леши. Вдыхаю.

– Ну, знаете, не вам меня учить, как мне ребенка поднимать. О своем подумайте лучше.

– А что с моим не так? – бросает на меня быстрый взгляд. Я его ощущаю по вспыхнувшей щеке. Боже, да я до сих пор реагирую на секунды внимания, которые он мне дарит. И плевать мое сердце хотело, что он ушел, что не помнит меня вообще и не знает о нашем ребенке.

– Он скоро появится, – стараюсь не сильно скалиться, но не получается.

Меня задела его слова.

– И вообще, если я один раз недосмотрела за ребенком и наткнулась на вас, это не значит, что такие случаи у нас постоянно. Это ребенок, и он может двигаться очень быстро, знаете ли.

– Ну как я могу знать, у меня же ещё нет детей, – язвит мой бывший муж, – и логики у меня тоже, видимо, нет.

Очень хочется зарычать от его непрошибаемости.

– Давайте лучше следить за дорогой и не оценивать друг друга как родителей. Я вас не просила читать мне лекции о

родительских обязанностях.

– Отлично, – бурчит Леша и утыкается в дорогу.

Смотрю в зеркало и выдыхаю, замечая, что эвакуатор не отстаёт.

Леша с одним из работников сервиса помогают эвакуатору сгрузить мою машину. Я в это время нервно кусаю ногти и ловлю отходняки после аварии и встречи с бывшим. И до меня доходит, что я могу вообще быть не в состоянии заплатить за ремонт машины и остаться без колес.

– О, в вас тоже приехали? – мастер замечает царапину на бампере Лешиной машины.

Мужчина хмыкает и смотрит в мою сторону.

– Ага, девушка и приехала. А я не смог бросить её на произвол судьбы и привез к вам.

Я решаю вмешаться в их милую беседу и делаю уверенный шаг к мастеру.

– Извините, что вмешиваюсь. Когда вы сможете мне сказать стоимость вашей работы?

Мужчина в рабочей одежде задумчиво почесывает подбородок.

– Так, ну у нас тут пока есть заказы срочные. Вам как срочно?

Поднимаю руки и мотаю головой.

– Мне вообще не срочно. Я подожду.

Мастер кивает и смотрит в сторону Леша, как будто ждет подтверждения моих слов. Бывший только равнодушно дер-

гает плечом и достает телефон, полностью абстрагируясь от нашей беседы.

– Давайте вы номер оставите, и мы вам сообщим, когда определимся по перечню работ.

– Отлично, – достаю визитку, чтобы не диктовать номер.

– Ну все, Вероника, тогда на созвоне. Тачку оставляйте, мы сами её перетянем, если что.

Протягивает руку, и я не сразу понимаю, что от меня требуется.

– Ключи, Ве-ро-ни-ка, – тут же раздается низкий голос над ухом.

Ну точно, он считает меня идиоткой и поэтому постоянно пытается подсказать. Прикрываю глаза на секундочку и отдаю мастеру ключи от машины.

– Вы вроде бы торопились, – обращаюсь к застывшему у машины Леше.

Он дергает бровью и облакачивается на открытую дверь. Встречаюсь взглядом с холодными глазами, и этот холод ментально под кожу пробирается. Замораживает.

– Да вот жду, а то ты же ещё куда-нибудь вляпаться можешь. Везунчик прям по жизни.

Скриплю зубами и утыкаюсь в телефон. Мне нужно отсюда выбираться. Подальше от Лешы и от всего, что с ним связано.

Вбиваю адреса и подавляю стон, когда идет поиск машины. Вокруг нет ни одного такси, и это вгоняет меня в уныние.

И тут меня окончательно добивает звонок воспитателя из сада. Рука с мобильником дергается. Приходится стиснуть сильнее кулак, чтоб не выронить трубку.

– Боже, что ещё? – Принимаю вызов. – Слушаю.

Очень хочется скрестить пальцы, как в детстве, когда мы верили, что именно скрещенные пальцы спасают от неприятностей. Делаю вдох.

– Вероника Павловна, здравствуйте. Вас беспокоят из сада Кирюши.

– Да, Наталья Владимировна, слушаю вас.

Воспитательница откашливается, и от этой заминки перед глазами начинает плыть.

– Дело в том, что у Кирюши началась рвота. Он жалуется на боли в животе. Он неважно себя чувствует, не могли бы вы подъехать и забрать его домой?

Внутри все обмирает. Тело сковывает от страха за ребенка. Перед глазами начинают вспыхивать красные пятна, а в голове настойчиво внутренний голос твердит, что надо действовать! Хотя как-то.

– Какая рвота? Утром же все прекрасно было.

– Да, я понимаю, – начинает оправдываться воспитатель, – но я не просто так прошу его забрать.

– Конечно, да, – провожу прохладной ладонью по лбу и зажмуриваюсь, – я скоро приеду, Наталья Владимировна.

Отключаю вызов и открываю свернутое приложение такси. Но машина так и не найдена, а во мне постепенно подни-

мается паника. Потому что мы в какой-то промзоне и здесь не катаются маршрутки с автобусами.

Кручу головой, взглядом цепляюсь за фигуру Леши. Он выгибает бровь, когда мы встречаемся глазами.

– Помочь?

А разве у меня есть выбор, когда на кону здоровье ребенка?!

Сглатываю и пытаюсь собрать волю в кулак, чтобы опять обратиться к Леше за помощью. Напоминаю себе, что это ради ребенка, а не потому, что мне просто хочется побыть с ним.

Подхожу, преодолевая жуткую неуверенность. Леша внимательно следит за каждым моим шагом, и его голубые глаза заставляют меня ежиться.

Прокашливаюсь.

– Не могли бы вы подбросить меня до остановки? У меня сыну плохо стало, – от последней фразы язык немеет и внутри все болезненно сжимается.

– Что с ним? – с лица Леши слетает самодовольство.

Пожимаю плечами.

– Позвонили из сада и сказали, что ему плохо. Мне нужно как можно быстрее...

– Садись давай, – скрывается в салоне.

Быстро усаживаюсь и цепляюсь за ремень. Мы срываемся с места так быстро, что меня вжимает в переднее сидение.

– Чего ты трясешься? Нормально все будет с пацаном.

Удивленно моргаю. Это он так пытается меня успокоить? Сжимаю в руках сумочку.

– Спасибо, – прикусываю ноготь большого пальца, а сама слежу за дорогой.

Так хоть могу абстрагироваться от всего, что происходит вокруг. И от того, что Леша сидит рядом, и от того, что там Кирюша один и ему страшно.

Быстрый взгляд на меня.

– За что?

Откидываю голову на сидение и прикрываю глаза.

– За то, что согласился подвезти.

Леша усмехается.

– Ну это вроде как в порядке вещей – помогать друг другу. Кто знает, может, и мне понадобится твоя помощь, – ловлю его кривую усмешку.

– У тебя есть животные?

Бывший муж дергает бровями.

– Не-а, была собака когда-то, но состарилась и умерла.

От этих слов внутри екает. Это он про Найду, его собаку, которой я в свое время помогала. Сглатываю плотный ком в глотке.

– Как звали? Собаку.

– Найда. Сенбернар, – на его лице появляется теплая улыбка.

– Зн... – осекаюсь и прикусываю язык.

Боже, надо быть осторожнее.

– Что? – поворачивает ко мне лицо.

– Говорю, сенбернар – очень классная порода, – выдавливаю улыбку, чтобы Леша не продолжал задавать вопросы.

Не уверена, что смогу быстро придумать что-то и переключить его на другую тему. У меня слишком сильно сейчас забит мозг состоянием здоровья сына, и разговор ещё и с его отцом я не перенесу точно.

– Так что с отцом?

Хмурюсь.

– Каким?

Леша фыркает.

– Ну сына твоего. Ты ж не от Святого Духа рожала.

Делаю глубокий вдох. Да уж, знал бы ты правду, ты бы был в шоке, Лешечка.

– Он нас бросил, когда я ещё беременная ходила и должна была рожать.

Лицо Леши вытягивается от удивления.

– Да ты прикалываешься? – сжимает руль до скрипа.

А я пытаюсь понять, что его так сильно задело. А ещё я замечаю, что у него на пальце нет обручального кольца. И это вышибает весь воздух из легких.

Какого черта?

– Хватит меня разводить, – он повторяется.

А мне приходится отреагировать на эту реплику.

– Нет, я на полном серьезе. Меня бросили, когда я была с пузом.

– Вот же судак.

Киваю.

– Ещё какой. Вот сюда, пожалуйста, – указываю путь.

Салон оглашает звонок, и я сначала думаю, что это мой телефон. Но потом соображаю, что я держу его в руке и звонят совсем не мне.

Леша достаёт телефон из панели и болезненно морщится. Смотрит в зеркало заднего вида, выдыхает.

– Извини, – бросает в мою сторону и проводит большим пальцем по экрану.

Сжимаю губы, когда из-под манжеты его рубашки выглядывает тату. Я помню её. Помню тот день, когда Лешка пришел ко мне и начал хвастаться ею. А я потом... ночью... целовала каждый её миллиметр.

Горло сжимает, и приходится прикрыть глаза, потому что перед ними начинает все плыть. Долбанные слезы, ещё их мне не хватало.

– Да, Вероник, – грохаюсь на землю, – я пока занят. Что? Что значит, тебя сегодня дома не будет?

Хоть уши закрывай, чтобы не слушать их разговор. Потому что каждый звук доставляет мне невероятную боль.

Ведь это мне он должен был звонить... и звонил когда-то. Но предательский голос шепчет, что он в свое время выбрал не меня...

– А, к родителям поедешь. Хорошо. Нет, я не поеду с тобой, у меня другие планы. Ага, пока.

Пытаюсь понять, что меня смущает в разговоре Лёши с женой. Слишком сильная отстраненность. Словно два чужих человека? Со мной он совсем иначе выстраивал разговор. А тут никакой нежности.

Но это меня никак не касается.

Леша сбрасывает и откидывает телефон. И даже может показаться, что он чем-то разозлен.

– Если тебе нужно по делам ехать, то я не могу тебя задерживать. Тут до сада несколько остановок, я справлюсь.

– Нормально все, – мотает головой, – рули дальше.

Прикусываю на секунду губу и все же решаюсь сказать то, что меня сильно волнует. Не прощу себе, если не скажу.

– Тебя же ждет беременная жена.

Леша грубо усмехается и вперивает в меня холодный взгляд.

– А с чего ты взяла, что меня ждут?

Черт... понятия не имею, что ему ответить на это.

– А разве нет? – и не придумываю ничего лучше, чем ответить вопросом на вопрос.

Леша закатывает глаза и кивает куда-то за меня.

– Этот сад?

Резко оборачиваюсь.

– Да, он, спасибо ещё раз, – тянусь к ручке двери, но замираю, – как тебя отблагодарить за помощь?

Это фиговая затея! Очень фиговая затея!

Встречаемся глазами с Лешей, и я перестаю дышать.

Словно в этот момент тают года, которые разделили нас с ним. Словно он прежний и помнит меня. И мне снова нужно приложить невероятные усилия, чтобы не показать слез, которые уже подкрадываются к глазам. Сглатываю желчь, которая топит глотку, прикусываю щеку до боли.

А внутри молю, чтоб он меня узнал... вспомнил... признал.

– Пацана береги, – добивает меня Леша просьбой, и в улыбке показываются его белоснежные зубы.

Внутри меня что-то обрывается, умирает. Нет прошлого! Нет ничего, что нас связывало.

Кирилл для Леши всего лишь пацан.

– Да, конечно, – даплюсь улыбкой и выскакиваю из машины.

Глава 6

Леша

Головная боль... нескончаемая и такая назойливая, давит в виски. Не убежать от неё, не скрыться. Четыре года уже...

Переступаю порог квартиры и натываюсь на недовольное лицо Вероники.

– И где ты был?

Закатываю глаза. Показательно начинаю массировать виски, без слов даю понять, что я не настроен на скандалы и выяснения отношений. Прохожу на кухню, плескаю в стакан ледяной воды и выпиваю залпом. Напряжение в висках ненадолго отступает, но не отпускает полностью.

– Я что, у стены спрашиваю, Леш? – Ника следует за мной по пятам. – Где ты был? И с кем?

Морщусь.

– Вероник, а можно сегодня без траханья мозгов? – резковато, но что поделать, если намеков моя жена не понимает.

Она округляет глаза и надувает сделанные губы.

– Да как ты смеешь?! – заходит на новый вираж.

Просачиваюсь мимо неё. Руки чешутся схватить её и хорошенько встряхнуть, но я напоминаю себе о том, что жена беременна. И носит ребенка.

– Вероник, – примирительно поднимаю руки, – давай мы сегодня не будем ругаться, пожалуйста, и ты просто пойдешь

отдохнуть. И я пойду... отдохну.

Мне это капец как нужно. Как тот глоток воды, который я делал только что. Но Веронику уже несет, и её не остановит даже железобетонная стена толщиной метр.

– Отдохнешь? – чуть ли не визжит жена, добавляя напряженности моим мозгам. – А может, ты к той бабе из торгового сразу отправишься отдыхать, а? Не просто ж так тебя видели на днях с ней в тачке.

Делаю глубокий вдох. Не сорваться! Беременность, гормоны, ребенок. Да и, в конце концов, Вероника – девушка, а я девушек не трогаю, как бы сильно они меня ни выводили из себя.

– Ты реально хочешь затронуть эту тему, Ника? – прищуриваюсь, и Ника даже делает шаг от меня.

И правильно делает. Она уже ступила на самое тонкое место, и оно теперь затрещало.

– Леша, ты устраиваешь покатушки, и о них судачат в твоём офисе. «Смотрите, Климов наставляет рога своей жене. Ха-ха», – истерически кричит.

А мне хочется тупо закрыть уши и не слышать эти претензии. Они меня выводят из себя, и с каждым таким выпадом Вероники мне все сложнее контролировать то, что в ответ летит из моего рта.

– Послушай, не тебе упрекать меня в верности, ага?

Ника тут же тушуетсся и обхватывает себя руками. В комнате напряженная обстановка. Жалею, что сегодня приперся

домой, а не остался в офисе и не прикрылся тонной работы и бумажек. И теперь приходится выслушивать всякий бред.

– Леш, ну мы же уже это прошли. Вроде.

У меня брови решают, что пора пожить своей жизнью, и взлетают в район линии роста волос.

– Прошли? Напомни-ка мне, в какой момент, милая, ты решила, что мы это прошли и справились? Или тебе напомнить, как ты кувыркалась с моим конкурентом, а потом тест выдал две полоски?

– Леша, это твой ребенок, – воеет супруга, оседая на пол, – я же говорила уже не раз.

– Думаешь, я передумал делать тест ДНК? После рождения я буду выяснять, чей это ребенок. И та случайная ночь перед нашим почти что разводом ни черта не меняет, Вероник.

– Но как? А как же наша семья?

– Да нет ни хрена никакой семьи. Есть твои желания, мои рога и беременность. Ребенок не виноват, что у него такая мамаша. И ты помнишь, если он мой, то ты берешь бабло, оставляешь ребенка мне и сваливаешь на другой конец света.

– Леша, какие деньги, о чем ты? – закрывает руками уши Ника и мотает головой. – Я не собиралась брать деньги. Я думала...

– Что я лошара, которого можно второй раз обвести вокруг пальца, и он будет скакать на задних лапках?

По красивому лицу катятся слезы, не переставая. Она дрожит. Протягиваю ей стакан с водой. Но меня больше не трогают её слезы. Да и не трогали, что уж скрывать. Не трогала она меня никогда.

Я как будто живу чужой жизнью эти четыре года, после того как очухался в больнице, а рядом Ника. А у меня из памяти как будто клочок выдеран. Только имя... Вероника. И все... больше я ничего не помнил.

Год назад я понял, что не люблю жену. И даже хотел развестись, только какого-то хрена откладывал весь процесс. Боялся разорвать ту маленькую связь с прошлым, которая все ещё скрыта в потемках извилин. Но мы проснулись в одной кровати, а потом она ткнула мне в рожу тестом с двумя полосками.

А ещё позже я узнал, что она спала с моим конкурентом. И теперь я не знаю, чей ребенок в её животе... и это выбешивает.

Это напоминает мне об измене, но я не могу уйти, пока наверняка не узнаю, что ребенок не имеет ко мне никакого отношения.

– А я предлагал просто разойтись по комнатам и не выяснять всю эту херню, – ерошу волосы и роняю голову на грудь.

– Мне нужен ты, Леша, – воет Вероника.

К горлу подкатывает тошнота.

– Давай без этих ненужных сантиментов. Успокаивайся, подумай о малыше. Ещё немного, и он появится на свет.

– Почему ты катал другую женщину? – вытирает щеки тыльной стороной, вгрызаясь обвинительным взглядом.

Ага... лучшая защита – это нападение.

– Ещё разок, если ты не поняла с первого раза, – приближаюсь к жене и сажусь на корточки перед ней, – она врезалась в задницу моей машины, её тачка была не на ходу, и я просто помог человеку, потому что моя совесть не позволила взять и бросить его на дороге.

– Лучше бы мне помог, – всхлипывает жена.

– Чем? – дергаю бровью. – Что-то ты моей помощи не просила, когда рога наставляла.

Оставляю её одну. Сваливаю подальше, чтобы не слушать больше ненужный треп. Этот разговор возникает не первый раз. И каждый раз у меня появляется вопрос в башке: какого черта я не развелся, как только узнал про измены Вероники? И почему мы все ещё в браке, мать его?

Ах да... была одна причина. Но и эта причина скоро исчезнет.

Глава 7

Ника

– Боже, ты спала вообще? – сестра подскакивает к нам, стоит только появиться в коридоре первого этажа.

Выдыхаю и с радостью принимаю помощь Киры.

– Не уверена, – протираю глаза, в которые кто-то всыпал тонну песка.

– Эй, Кирюха, ты как? Щеки что-то спали, – шутливо тербит сына, а Кирюшка весело хохочет.

Несколько дней мы провалялись в инфекционке с ротавирусом, и теперь единственное желание, которое меня охватило, – это поскорее оказаться дома и отмыться после кошмара больницы. А... и ещё на сутки упасть и проспать.

Детские больницы – это страшно! За каждого ребенка, хоть он и не твой, болит сердце и переживаешь так, словно все отделение родила именно ты.

– Ну он в норме? – читаю на лице сестры волнение.

– Видишь же, выписали, – пожимаю плечами, но у меня даже изобразить энтузиазм не получается.

Эти несколько дней вымотали меня так, как не выматывали первые месяцы материнства. А с Кирюхой было достаточно проблем: и колики, и запоры, и аллергия на памперсы.

Передергиваюсь и ловлю на себе вопросительный взгляд сестры. Давлю из себя улыбку.

– Вспомнила, как мы провели первый год с Кирюхой.

– У-у-у-у-у-у, это было то ещё испытание для нашей терпеливости, – посмеивается Кира, – после твоего дебюта в материнстве мне уже не так страшно рожать.

Открываю рот, но сестра бережно мне его захлопывает.

– Это на будущее, Никусь. Я не собираюсь рожать. Да мне и не от кого. От одного козла хотела, да вот не сложилось.

Я понимаю, что она такими словами пытается прикрыть боль, которую пережила после Алика. И я не развиваю тему дальше. Кира у меня умная девочка, она может решить, как для неё лучше.

– Ну знаешь, – небрежно дергаю плечом, – можно родить для себя.

Кира хихикает.

– Я учту твои пожелания.

– Учти, – с важностью киваю.

И обстановка разряжается.

Сестра загружает сумку в багажник и чмокает Кирилла перед тем, как усадить в кресло. Сын улыбается, обнимая Киру за шею.

– Тетя, ты привезла мне что-то вкусное? – хитро щурится этот бандит.

Сестра хмыкает.

– Конечно, богатырь, витаминки. Это самое безопасное для тебя сейчас, – Кира уже научилась не вестись на уловки сына и сама хитрит только так.

Протягивает ему аскорбинку. Сын надувается, сворачивается в узелок и с недовольным рыком отворачивается к окну.

– Не будешь? – Кира подмигивает мне и начинает прятать витаминки.

Кирилл моментально реагирует и выхватывает таблетку, засовывая в рот.

– А что такое, племянш? Как-то быстро ты в этот раз передумал, – смеется сестра.

– Потому что ты заберешь и я останусь ни с чем, – бормочет сын, и теперь уже начинаю хохотать я.

– А ты учишься на ошибках, – ерошит светлые волосы сына.

Отвлекаюсь от них и замечаю знакомую машину. Сердце замирает, когда в поле зрения появляется светлая макушка Леши. Он выходит и идет в сторону входа в больницу. С кем-то разговаривает по телефону и, к моему облегчению, не замечает меня, застывшую.

Сестра прослеживает за моим взглядом и присвистывает.

– Ого, что он тут делает? А ты что в статую превратилась? – щелкает перед носом пальцами.

И этот щелчок приводит меня в чувства.

– Откуда я могу знать, что он тут делает? Видимо, жену забирает. Тут же и беременные наблюдаются.

Сестра складывается от хохота пополам.

– Леха и бесплатная больница? Ты ни с кем его не путаешь?

Цыкаю.

– За четыре года могло многое измениться. Да и зря ты, тут отличные врачи. И они хорошо делают свою работу, даже несмотря на то, что им тут не платят миллионов. Хотя они их очень даже заслуживают.

Сестра заглядывает за мою спину, а я удивленно хлопаю глазами.

– Что ты там потеряла? – сама начинаю вертеть головой.

– Крылья и нимб, – ржет Кира. – Может, уже поедем? Или будем ждать твоего ненаглядного?

Кивает подбородком на больницу.

– Он не мой. Я тебе говорила уже, что он не помнит ни меня, ни того, что я носила его ребенка. Ну и уж точно не знает, что ребенок вот он.

Смешок выходит совсем уж обреченным. Оказываюсь тут же в медвежьих объятиях сестры и вздыхаю.

– Может, все же признаться ему? Ну вы вон уже сколько раз пересеклись.

Мотаю головой.

– Я не могу подвергать его такому стрессу.

Кира качает головой.

– Ну точно крыльев и нимба не хватает. О себе надо думать, сестренка, о себе, – стучит по виску.

Садится за руль, оставляя меня наедине с мыслями.

– А я и думаю о себе, – смотрю на машину Леши.

Зачем-то тяну время, но приходится ускориться, когда я

слышу, как сестра заводит машину и газует.

От неё можно ожидать и того, что Кира возьмет и свалит без зазрения совести, а мне потом добираться до дома. А спать-то хочется.

Ещё раз проверяю, все ли сделала, перед тем как спокойно закрыть кабинет и отправиться домой. Дверь за спиной открывается, и я, не глядя, сообщаю посетителю:

– Простите, сегодня прием уже окончен. Могу только на завтра вас записать.

– А вы и так уже меня записали на завтра.

Мужской голос с хрипотцой заставляет резко развернуться и столкнуться с голубыми глазами. Я запомнила его.

Мамочки. Я запомнила этого парня.

Зачем он пришел? Ко мне? Серьезно?

Рука дергается, чтобы проверить, все ли в порядке с одеждой и прической. Но я сжимаю кулак. Не хочется показывать ему, что его появление меня взбудоражило и вывело из равновесия.

– Что-то забыли? – бросаю взгляд в ящик, который моя коллега завела для «потеряшек», но он пуст.

Парень наклоняет голову и окидывает меня лукавым взглядом.

– Можно и так сказать, – задумчиво потирает подбородок.

А я моргнуть не могу. Смотрю прямо ему в глаза, голубизна которых затягивает, словно водоворот. Я ещё днем за-

метила, что они очень живо отражают эмоции хозяина.

– И что же? Скажите, и я поищу.

Оглядываюсь в кабинете, но все так же не обнаруживаю посторонних вещей. До слуха доносится смешок.

Алексея. Кажется, так его звали. Слышала краем уха, когда Маша заполняла документы на лечение питомца.

– Пригласить вас на свидание.

Достает из-за спины огромный букет, а я удивленно моргаю. Надо же, а я и не заметила, что он руки прячет и сзади что-то скрывается от моего взгляда.

Тюльпаны. Фиолетовые. Мои любимые! М-м-м-м-м-м, сразу же словно ощущаю дуновение весеннего ветерка. Вдыхаю.

И как он догадался, что я от этих цветов без ума?

– Это вам, – улыбка на его лице задевает внутри струну, и та со звоном отдается мелодией во всем теле.

– Спасибо, не стоило.

Алексей сжимает губы и качает головой.

– Вероника, вы меня спасли. И не только меня, но и мою любимую собаку. Примите это как благодарность.

Обхватываю букет и не могу скрыть улыбку.

– На свидание зовете тоже в знак благодарности?

Парень облокачивается на стол и подаётся вперед. Теперь я рассматриваю светло-голубую радужку на расстоянии в несколько сантиметров. И у меня не возникает желания отшатнуться или увеличить дистанцию.

Наоборот, погружаюсь в рассматривание каждой прожилки. Его глаза напоминают поверхность ледника, но от самого Алексея веет теплотой.

– На свидание зову, потому что хочу с вами пообщаться и узнать поближе.

Выгибаю бровь.

– А если я замужем?

Алексей бросает быстрый взгляд на правую руку и хмыкает.

– А вы из таких женщин, которые брезгают обручальным кольцом?

Дергаю плечом. Оставляю вопрос без ответа.

– Если вам неприятно мое внимание, скажите только слово и я не буду вам досаждать... – прищуривается, и его улыбка сражает меня, – наверное, не буду.

– Вы знаете, я подумала и решила, что с удовольствием выпью чашечку чая.

Голубые глаза вспыхивают, а улыбка становится совсем широченной. Красивой такой.

– Вы знаете, я по нелепой случайности знаю место, где есть не меньше ста видов чая.

И он не обманывает. Привозит меня в заведение, где нам подают отдельное меню с чаями. Округляю глаза, когда вижу названия, которых не слышала ни разу в жизни.

– Э, не поможете мне выбрать? – изображаю полную беспомощность.

Алексей мило смущается и протягивает руку, чтобы забрать у меня меню. Наши пальцы прикасаются, и меня словно током пронзает.

Одергиваю руку, удивлённо хлопая глазами.

– Вот этот очень вкусный.

Не читаю даже. Пытаюсь за несколько секунд, пока Леша сканирует меня взглядом, разобраться в ощущениях. Не было такого рядом с парнями. Хотя и опыт свиданий у меня не очень большой.

Парочка в универе и ещё парочка, уже когда закончила. Не ходок я по встречаю с мужчинами.

А может, просто ждала того, с кем вот такой ток будет?

– Отлично, я его возьму.

– Можно на «ты»? – вкрадчиво спрашивает, глядя мне в глаза.

– Конечно.

– Прекрасно. Тогда, может, ты посмотришь, что я предлагаю? – выгибает густую бровь.

Пожимаю плечами.

– Доверюсь твоему вкусу.

Леша хмыкает и делает заказ. Как только официант отходит от нашего стола, наклоняется, чтобы оказаться близко ко мне, но при этом смотрит в сторону. На происходящее за окном.

– Видишь вон того пацана, который сейчас пытается перепрыгнуть фонтан на велике?

Прослеживаю за его взглядом и угадываю.

– Меня напомнил.

– Почему? – включается любопытство, и я возвращаю взгляд на Лешу.

Он улыбается одной стороной губ.

– А я из дома сбежал в семнадцать и вот так же удачливость испытывал на прочность. Чего только не творил.

– Например?

Он очень умело погружает в заинтересованность. И мне не хочется, чтобы он переставал рассказывать о себе.

Его глаза улыбаются, отчего в уголках рассыпаются морщинки.

– Уверена, что хочешь узнать мое темное прошлое?

Зачарованно киваю.

– Не испугаешься и не сбежишь от меня?

Со стоном вынырываю из сна и глажу соседнюю подушку. Пустую. Холодную. Гладкую.

Это всего лишь сон. Такой красочный и натуральный. Словно ненадолго мозг решил меня вернуть в прошлое. Горько усмехаюсь и подтягиваю коленки к груди. Как будто я могла что-то забыть из прошлого с Лешей. Помню каждую минуту рядом с ним.

Помню и молю всех богов, чтобы помогли мне забыть!

– Ты от меня сбежал. Ты бросил... – по щеке скатывается холодная слеза, которую слизываю языком, чувствую её вкус.

Соленый, с горькими нотками.

– Мама, ты проснулась? – влетает в мою комнату сын и чуть ли не залетает на кровать, а я подпрыгиваю на матрасе от его веса.

Судорожно вытираю щеки, чтобы мой ребенок не заметил слез.

Кирилл всем весом налегает на меня, и я выдыхаю под его тяжестью. Хотя мой ребенок и весит не больше двадцати килограммов, но силы в нем хватает, чтобы я недовольно пыхтела, когда он решает на мне повисеть.

– Ма, а ты что, плакала? – заглядывает мне в глаза.

Наклеиваю на лицо улыбку и смело встречаю пытливый взгляд голубых глаз. И снова хочется плакать, потому что передо мной маленькая копия Леша. Не на все сто процентов. Но процентов восемьдесят он унаследовал от бывшего мужа.

А после дурацкого сна это особенно болезненно.

– Не плакала, малыш. С чего ты взял?

Кирилл недовольно фыркает и усаживается на мои коленки.

– Ты же мне говоришь, что обманывать нехорошо, а сама сейчас делаешь нехорошо, – обиженно бурчит сын, складывает руки на груди, – у тебя глаза красные, вот!

Хмурит светлые бровки и недовольно дует щеки.

Аккуратно обхватываю его личико и заставляю посмотреть на меня.

– Маме просто приснился не очень хороший сон.

Кирилл в ужасе округляет глаза и захлопывает ладошками

рот.

– Кошмар? – шепчет сын и вжимает голову в плечи.

А я стараюсь не засмеяться. Это будет жестоко по отношению к напуганному сынишке. Хотя я и понимаю, что этот испуг скорее наигранный и он на самом деле у меня не такой уж и трусишка, но все равно это не дает мне права смеяться над ним.

– Ну-у-у-у-у, – пытаюсь придумать какую-то правдоподобную историю, – не прям кошмар с монстрами. Скорее, так, неприятная ситуация, которая слегка меня задела.

Кирилл задумчиво потирает подбородок. Тут в комнату заходит Кира.

– Ну и поспать. Время уже, между прочим, половина седьмого, а мне ещё до дома ехать.

Прикусываю губу и делаю виноватую мордашку.

– Прости, я что-то немного расклеилась.

Сестра плюхается рядом с нами на кровать и сгребает Кирилла в охапку. Сын начинает громко протестовать и пытается выпутаться из захватнических рук Киры. Они вместе громко ржут, а у меня от этой картины все плохое послевкусие сна выветривается.

– Это все из-за появления Леши, Ник, – в перерывах между приступами хохота сына выдает сестра.

Сын замирает.

– Кто такой Леша?

Недовольно смотрю на сестру, но эта негодзяйка только

лишь пожимает плечами и невинно хлопает глазками.

И снова у меня четкая ассоциация с Лешей.

Я ждала и боялась вопроса от сына про его отца. И, если честно, я даже не сочиняла никакую легенду. Леша не улетал в космос, не уходил в плавание, не уезжал в другую страну. Мой сын никогда не спрашивал, где его папа. Да и я не готовилась ни к чему. Решила, что буду действовать по мере поступления проблем. Да даже сейчас, я понятия не имею, что отвечать. Ну не шокировать же ребенка, что тот дядя с торгового центра – его папа. И он нас просто бросил...

– Мой старый знакомый, малыш, – глажу светлые волосы.

Кирилл удовлетворяет такой расплывчатый ответ, но он не торопится убежать.

– Мам, а у меня есть папа?

Добивает меня мой малыш. Шумно выдыхаю...ну вот и приехали.

– Конечно, малыш, у каждого ребенка есть папа, – стараюсь, чтобы голос сильно не дрожал от нахлынувших переживаний.

Кирюшка доверчиво смотрит мне в лицо и обхватывает теплыми ладошками мое лицо. От чего я плавлюсь, превращаясь в лаву.

– А где он сейчас?

О боже, о боже...и что сказать?

– Э-э-э-э-э-э, – мне не помешал бы глоток воды, а лучше сразу литр, горло постепенно перехватывает сухость, – пони-

маешь, малыш, мы с папой решили жить в разных домах.

Сын кивает и соскакивает с кровати.

– А ты его со мной познакомишь?

Натягиваю улыбку и радуюсь, что сын успевает отвернуться и не видит моих потуг изобразить радость на лице.

– Обязательно, малыш, как только появится возможность.

– Так, кто со мной ужинать? А то вас пока дожدهшься, можно лапти с голоду откинуть, – сестра заглядывает в комнату и я готова в этот момент её расцеловать..

Мой ребенок не заставляет себя ждать и с визгами гонится за тетей.

– Мама, сейчас тетя Кира слопает все самое вкусное. Поторапливайся.

Падаю на подушку и выдыхаю. Кажется, я только что пережила самое сложно в материнстве. Смотреть в глаза своему ребенку и не знать, что ответить – это, оказывается, так страшно...

– Племяш, с тобой нельзя идти в разведку. Сдашь всех.

– А что там вкусенького, Кирюх? – кричу им вслед.

Сын заглядывает в комнату, а у самого в зубах уже бутерброд с колбасой. Стараюсь сильно не кривиться.

– Вот, колбаска есть, – пытается выговорить с набитым ртом.

– А что это мы по дому с едой бегаем, а?

Меня отпускает, когда я понимаю, что тема отца Кирюшке больше неинтересна, и я постепенно успокаиваюсь. Сын

округляет глаза и уносится обратно в кухню.

Выхожу на кухню, где меня ждет горячее какао и гора бутеров. Стону при виде еды, а мой желудок услужливо бурчит в предвкушении трапезы.

– Вот ты искушительница. Я вообще-то слежу за питанием.

Кира оглядывает меня недовольным взглядом.

– Зачем, интересно? Ты в идеальной форме. Аппетитнее, чем даже перед беременностью. Сейчас кругло там, где нужно.

Закатываю глаза и сажусь напротив. Выдыхаю.

– Ну и что дальше, Ник?

Я прекрасно понимаю, о чем спрашивает сестра. Но...

– О чем ты?

Кира громко цокает.

– А то ты прям не понимаешь. О Леше. Неужели ты вот так все оставишь?

Киваю. Нет сил снова повторять, что это все в прошлом. Он не помнит меня, и тем более не помнит того, что я родила ему сына.

– Что-то какая-то непонятная история с этой его женой.

– Что ты имеешь в виду?

Кира пожимает плечами.

– Да не знаю. Но из того, что ты мне рассказала, складывается ощущение, что эта Вероника боится не за Лешу, а за себя.

Глава 8

Осматриваю взрослого мейн-куна, от которого меня отвлекает легкий стук в косяк двери. Поднимаю глаза – на пороге смущенная Маша. Переводит виноватый взгляд с пациента на меня.

– Что случилось, Маш? – Бросаю контрольный взгляд на кота и киваю его хозяйке: – Все в порядке. На контроль через неделю, посмотрю динамику.

Хозяйка с важным видом берет своего питомца и выплывает за дверь.

Маша провожает её взглядом и чему-то усмехается. Иду мыть руки и вопросительно выгибаю бровь.

– Чего ты веселишься?

Маруся наклоняется ко мне, как будто кто-то может её услышать, и прикусывает губу.

– Просто у всех этих хозяек такой вид, ка будто они как минимум несут к вам принцев и принцесс.

Хмыкаю. Вытираю руки и иду в приемную. Голова трещит от перенапряжения, а если я сейчас чего-нибудь не съем и не выпью чай, то остальные пациенты могут остаться без квалифицированной помощи.

– Для хозяев их питомцы и правда как минимум королевских кровей. Особенно если знать, сколько они в них вкладывают заботы и финансов, то иногда я жалею, что родилась

обычным человеком, которому нужно пахать.

Мы смеемся, а потом я вспоминаю, что Маша не просто так, видимо, заглянула в кабинет во время осмотра.

– Марусь, а что случилось, что ты пришла аж в кабинет, пока у меня пациент был?

Маша ойкает.

– Совсем сбилась с мысли, Вероник, – берет со стола записку и протягивает мне, – вот, звонила Ольга и просила очень срочно ей перезвонить по этому номеру. Что-то снова случилось.

У меня сердце неприятно екает. На сегодня у Ольги не назначено осмотров, а значит, снова случилось что-то серьезное. Набираю номер и перестаю дышать в ожидании ответа. После второго гудка слышу взволнованный голос девушки.

– Вероника, хорошо, что ты так быстро мне перезвонила. Прямо не знаю, куда бежать и что делать, – тараторит она, пока я пытаюсь разобрать её пылкую речь.

Прикрываю глаза и делаю глубокий вдох.

– Оль, помедленнее, пожалуйста, я ничего не могу разобрать.

Кажется, на том конце раздается жалобный щенячий плач, от которого грудь пронзает болью.

– Что там у тебя?

– Очередной подкидыш, Вероник. Малышка совсем, вся в крови. Кажется, что-то с лапой, она на неё не наступает совсем.

Ещё немного, и Оля сама заревет в голосину.

– Так, вези. У меня сейчас обед как раз, посмотрим твоего малыша.

Девушка выдыхает.

– Спасибо, большое тебе спасибо, я через пять минут прилечу.

Успеваю глотнуть чай и запихнуть в себя огурец с хлебом, когда в окно вижу машину Ольги. Она на высокой скорости подъезжает к зданию, и до меня через приоткрытое окошко доносится визг тормозов.

Подскакиваю и выбегаю на улицу.

– Маш, режим повышенной готовности.

Помощница выскакивает из служебного помещения и кивает, уносясь в кабинет. Машина Ольги, кажется, не пережила только серьезных аварий. Да и при взгляде на эту грудку металлолома удивляешься, что она в состоянии кого-то возить и неглохнуть. Но я уже привыкла к виду этой машины и без задержки лезу на заднее сидение, где, завернутое в одеяло, на меня жалобно смотрит нечто напоминающее собаку.

– Боже, кто с ней такое сотворил? – прикладываю ладонь к груди, за которой колотится сердце. – Бедный малыш.

Ольга уже суетится вокруг меня, помогает достать пострадавшего, постоянно что-то приговаривая еле слышным голосом.

– Ты не паникуй, – осаждаю, потому что паника Ольги плавно перетекает на меня, а мне нужна холодная голова, –

у этого малыша большая воля к жизни, иначе сейчас я бы не держала его на руках.

– Да я ехала в приют, а тут под машину бросается. Я даже не сразу сообразила, что это живой щенок. Думала какой-то комок грязи. Потом кровь увидела, и совсем дурно стало. Видно же, что кто-то над щенком поиздевался, – она не отстает от меня ни на шаг.

Мельтешит сбоку. Она совсем молоденькая, лет двадцать, но у неё настолько большая душа, что если бы она могла, то приютила бы всех бездомных. Она продолжает что-то рассказывать, а в голосе чуть ли не слезы.

Но это и не удивительно. Я сама готова разреветься при виде выражения глаз животного. Правду говорят, что самое страшное животное – это человек. И сейчас подтверждение этому трясется у меня на руках.

– О божечки, – Маруся прикрывает ладошкой рот, а её зеленые глаза испуганно распахиваются, – Вероник, это кто?

– Это щенок. Не пугайся, просто немного в грязи искупался где-то, да, малыш? – Разворачиваю и кладу животное на смотровой столик. – Ох.

Сама не сдерживаю болезненного выдоха.

– Открытый перелом лапы. Нужно сначала отмыть. Девочки, займитесь?

Маруся с Ольгой уверенно кивают и уносят пациента в душевую.

Готовлю все к тому, чтобы наложить на лапу гипс.

– Фух, вот ведь резвая попалась, – Маруся вытирает со лба пот и смеется, – никак не хотела отмываться, Вероник.

Мне на стол в этот раз укладывают щенка породы сенбернар.

– Да ладно? Это шутка? – бурчу себе под нос, рассматривая точную копию собаки Леши.

– М? – Ольга переспрашивает, но я в ответ мотаю головой. Отличительная черта у Лешиной собаки была точь-в-точь такая же, как у этого малыша: на лбу пятнышко в форме треугольника и розовый нос.

Сглатываю подступивший к горлу комок. Слишком много прошлого в последнее время всплывает. Я была не готова к таким поворотам, но и бросить на произвол судьбы малыша я не могу. Только потому, что он похож на собаку моего бывшего.

– Ладно, приступим, – протираю перчатки антисептиком и приступаю к осмотру.

Через полтора часа выдыхаю, когда убеждаюсь, что щенку ничего больше не грозит.

– Оль, оставляй её у меня, – это решение всплывает само по себе, – у меня как раз одна палата пустует, а малышке нужно ещё много чего сделать. Да и тебе что мотаться туда-сюда, у тебя и так много подопечных.

Ольга округляет глаза.

– Ник, боюсь, я не смогу оплатить палату, – болезненно морщится, – у нас тут вчера траты вышли внушительные на

лекарства и корм, пока пусто.

– Денег не нужно. Я сама пристрою малышку, если что.

– Правда? – Ольга стискивает мое запястье. – Спасибо тебе большое. Вероник, я не знаю, как мы все жили без твоей доброты.

Улыбаюсь. А сама не могу отвести взгляда от уснувшей малышки. Прошное... отпустишь ли ты меня? Или так и будешь преследовать?

– Кирюш, осторожнее, малышка ещё совсем слабенькая, а ты уже пытаешься её куда-то утащить в третий раз, – шикаю на сына, который пытается чуть ли не ползком пробраться к палате нашего найденыша.

Ему не хватает только спецназовского боевого раскраса на лице, и тайный агент по похищению щенков готов.

Сын цыкает и выныривает из-под стола.

Пришлось сегодня везти его с собой на работу, потому как садик закрыли из-за выключения воды, а Кира сама укатила на важное совещание и ничем не смогла помочь. Хорошо хоть, сегодня не так много было записей, и я смогла уделить сыну время, а он не «скончался от скуки», как он любит часто говорить.

– Ма-а-а-а, ну как ты меня увидела в этот раз? – недовольно дует губы и отворачивается спиной.

Я усмехаюсь.

– По твоей торчащей попе, Кирюш. Тайные агенты так не

действуют.

Сын поворачивается, и я вижу на его лице неподдельную заинтересованность.

– А как надо?

Получите-распишитесь, мамочка. Сглатываю, ищу поддержки у хихикающей в противоположном углу Маруси.

– Мальчишки, – помощница прикусывает губу, чтобы прервать смех, – все им агентами хочется стать.

И я в этом полностью согласна с ней.

Кирилл недовольно топает ножкой.

– Ну мам! Как?

– Э-э-э, понятия не имею, я ж ветеринар, а не вот этот агент, – пытаюсь отмазаться от допроса сына.

Он не так давно выдал мне, что хочет стать агентом, как персонаж в любимом мультике, агент Стерлинг. И угораздило же меня показать ему тот мультик, теперь вот приходится расхлебывать.

– А вот агент Стерлинг именно так и делал, – уверенно заявляет сынишка.

Подхожу к нему и присаживаюсь на корточки, чтобы быть ближе к его личику и видеть глаза.

– Кирюш, в мультике все немного отличается от нашей жизни.

– Чем? – наклоняет голову набок, и голубые глаза подозрительно прищуриваются. – У нас нет агентов?

Боже, чем дети старше, тем сложнее объяснять им, что и

как происходит.

Откашливаюсь.

– Наверное, есть. Они же тайные, – понижаю голос, чтобы нагнать таинственности, – о них никто не должен знать.

Жестикую руками и выдавливаю улыбку. Сын довольно визжит.

– Я тоже так хочу. Миссия номер один, вытащить щенка из западни палаты, потому что злой гений хочет её украсть и провести опыты.

У меня от этих слов глаза пытаются выпасть из орбит.

– Сынуль, не надо никого ниоткуда доставать. Щенку очень даже комфортно там, где он сейчас находится.

Но сын меня уже не слушает и уносится в сторону дверей.

– Вероник, я пойду? Помнишь, я пораньше просила отпустить? Мне на прием к врачу.

Отвлекаюсь от слезки за сыном и перевожу взгляд на Марусю.

– Конечно, Марусь, мы же договорились. Иди. Спасибо за помощь.

– До завтра, – Маруся машет рукой и выпархивает из клиники.

Вижу в окно, как она садится в машину к своему парню и повисает у него на шее. Одергиваю себя. Нехорошо подглядывать, но, черт возьми... как же хорошо, когда рядом любимый мужчина.

Испытав это однажды, не хочешь лишаться этого ощущение-

ния.

– Кирилл, что ты там делаешь? – подозрительная тишина вызывает небольшую панику.

Сын не отвечает. Выхожу из-за стола и выдыхаю, когда замечаю, что сын просто ходит по коридору и заглядывает в клетки к моим пациентам.

– Они спят, ма, – прислоняет указательный палец к губам, – не кричи тут.

Делаю вид, что зашиваю рот, и отступаю назад. Слышу, как звонит телефон.

Выдыхаю. Макс. Настроения нет никакого с ним разговаривать. Да он и не объявлялся после того случая на дороге. После аварии.

Но, наверное, будет правильное расставить все точки и уже не возвращаться к вопросу Макса.

Несколько раз дышу и смахиваю зеленую кнопку.

– Слушаю, Макс, – усаживаюсь на стол и прикрываю глаза.

– Привет, Вероничка, – развязный тон тут же заставляет меня съежиться, – чем занята?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.